

71:02-7/59-2

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

А.С. БАРСЕНКОВ

**РЕФОРМЫ ГОРБАЧЕВА
И СУДЬБА
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА
1985-1991**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

Чрезвычайно показательным для первого этапа реформ является проведение антиалкогольной кампании. В критических публикациях, где справедливо осуждаются ее негативные последствия, недостатка нет. В то же время, практически никто не рассматривает антиалкогольную кампанию с точки зрения отражения уровня экономического и политического мышления руководителей страны тех лет. Между тем, это — практически первое крупное комплексное мероприятие новых лидеров, последовательно осуществлявшееся в 1985-1988 гг.

Прежде всего, провозглашенная кампания имела большой политический смысл. Речь шла не только о хронической, но и о постоянно прогрессировавшей социальной болезни. «Пьяные» деньги давно и активно использовались бюджетом, поэтому попытки «борьбы против пьянства и алкоголизма» фактически носили лицемерный характер: государству катастрофически не хватало средств, и, как показывал исторический опыт, отказываться от надежных источников финансовых поступлений оно не рисковало. Даже Ю.В. Андропов, с именем которого связывают идею наведения порядка в стране через «закручивание дисциплинарных гаек», напрямую связанных, в том числе, и с противодействием пьянству, видимо, не по моральным соображениям пошел на выпуск дешевой водки, которую в народе и окрестили «андроповкой». Упор на «пьяные» деньги, паразитирование на теневых чертах человеческой натуры были результатом неспособности добиваться бюджетного успеха более «квалифицированным» путем, демонстрировали отсутствие желания это делать.

Поэтому постановка вопроса о борьбе против пьянства и алкоголизма в мае 1985 г. свидетельствовала, прежде всего, о

Многие авторы указывают на ошибочность применения преимущественно административных методов при проведении этой кампании. На наш взгляд, упор на них был закономерен. Во-первых, это было в традициях тех лет, когда параметры проводимых преобразований регламентировались «сверху». Во-вторых, жесткость постановки вопроса в 1985 г. выглядела плюсом, а не минусом: еще в 1984 г. Политбюро образовало комиссию для разработки эффективных мер по преодолению пьянства и алкоголизма³⁰. Однако действия по реализации идеи были предприняты лишь новым руководством, что сулило и политические дивиденды. При этом следует сказать, что некоторые члены нового руководства (Н.И. Рыжков и нек. др.) изначально предупреждали коллег по Политбюро о бессмысленности этой кампании, указывая прежде всего на бюджетные резоны.

как писал позже Горбачев, «негативные последствия антиалкогольной кампании намного превосходили ее плюсы»³². К числу издержек кампании относят: спешное закрытие магазинов, вино-водочных заводов; вырубку виноградников; свертывание производства сухих вин; сокращение выпуска пива; массовое развитие

самогоноварения, повлекшее исчезновение сахара. Нехватка сахара потянула за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий; с прилавков стали исчезать недорогие одеколоны, употреблявшиеся вместо водки, а использование всевозможных «заменителей» привело к росту заболеваний. Выросли преступность, общая озлобленность людей. По данным Горбачева, в результате массовой антиалкогольной кампании бюджет недополучил 37 млрд. рублей; Рыжков называл другую цифру — 67 млрд., а в середине 1991 г. В.С. Павлов говорил о 200 млрд.³³ Уже в 1989 г. доходы от торговли спиртным вновь пошли вверх и достигли 54 млрд. рублей, на 1 млрд. превысив уровень 1984 г. Отрицательный политический эффект антиалкогольной кампании был многократно усилен тем, что она явилась одним из наиболее «видимых» и ярких источников финансовой разбалансированности, происхождение которой носило более многоплановый характер.

Стремлением ликвидировать бюрократизм и ведомственность было продиктовано создание (22.11.1985) Госагропрома — структуры, поглотившей пять министерств и один госкомитет, отвечавших за производство сельхозпродукции, ее хранение и переработку. Неповоротливость и неэффективность нового управленческого гиганта постепенно становилась очевидной (он был ликвидирован лишь в 1989 г.),

Происходившие перемены первоначально позитивно оценивались массовым сознанием: на смену, как правило, пожилым, утратившим динамизм руководителям, часто подолгу «сидевшим» на своих местах, приходили более молодые, энергичные, стремящиеся «развернуться». Однако со временем темпы и масштабы перемен не столько радовали, сколько начинали смущать. Их стали называть «кадровой чисткой»,

сопоставимой со сталинской «кадровой революцией»⁴⁰; указывали на то, что при столь быстрой смене кадров нарушается преемственность в работе, дестабилизируется система управления. В литературе нет единства в оценке мотивов действий нового руководства в этом отношении. Одни считают, что это — результат осознанно проводившейся политики, имевшей целью дестабилизацию и развал существовавшей системы (В.С. Павлов). Другие склонны оценивать происходившее как следствие торопливости, неспособности просчитать последствия принимаемых решений (В.И. Воротников).

начало второго этапа горбачевских реформ часто связывают с январским (1987 г.) пленумом ЦК КПСС, после которого акцент в преобразованиях начал смещаться в политическую сферу. При этом из поля зрения исследователей выпадает менее «яркий» 1986 г., что, на наш взгляд, несправедливо, поскольку именно в это время в основном сформировалось новое видение содержания реформ, заметно отличавшееся от первоначальных установок.